

не то, какое было десять лѣтъ назадъ. Республика успѣла утвердиться и пустить корни; она имѣетъ за себя важную охранительную силу—силу общественной привычки. Претенденты утратили свое прежнее значеніе; преданные имъ когда-то политическіе кружки распредѣлились отчасти по республиканскимъ группамъ и разорвали старыя связи, способныя компрометировать ихъ при новомъ порядкѣ вещей. Число монархистовъ значительно уменьшилось въ парламентѣ и въ странѣ; вѣроятность монархическаго переворота все болѣе уходитъ въ область несбыточныхъ фантазій. Наслѣдство, выпадающее на долю графа Парижскаго, можетъ оказаться обоюдоострымъ въ томъ отношеніи, что оно заставитъ принцевъ сдѣлать выборъ между бесплодною ролью претендентовъ-изгнанниковъ и фактическимъ пользованіемъ благами республиканскаго режима во Франціи. При обычной осторожности своей, принцы не рѣшатся исполнѣ унаслѣдовать положеніе, которое занималъ графъ Шамборъ; они будутъ лавировать какъ всегда, не рискуя настоящимъ и не теряя изъ виду будущаго. Вѣрные подданные „короля Генриха V“ не скрываютъ своихъ чувствъ къ „вѣроломной“ и честолюбивой орлеанской фамиліи, принимавшей столь дѣятельное участіе въ осужденіи Людовика XVI и въ изгнаніи Карла X. Полемика между органами обѣихъ сторонъ получила въ послѣднее время крайне рѣзкій оттѣнокъ, но прямая воля главы, признавашаго принцевъ законными членами королевскаго дома, возьметъ вѣроятно верхъ надъ старинными антипатіями легитимистовъ.

Графу Шамбору не суждено было „спасти Францію“, и онъ можетъ думать, что эта великая миссія будетъ исполнена болѣе ловкими и популярными представителями королевской идеи. Спасти отечество посредствомъ водворенія себя и своихъ приверженцевъ въ роскошныхъ дворцахъ Парижа и Версаля—никогда не поздно. Набожный отшельникъ, лишенный энергіи и честолюбія, возлагаетъ спасительную задачу на молодое поколеніе, а самъ готовится умереть спокойно, довольствуясь голымъ именемъ короля. Истинно-вѣрующіе изъ его небольшого лагеря спрашиваютъ себя въ недоумѣніи: неужели провидѣніе для того только дало жизнь „сыну чуда“, чтобы обречь его на безцѣльное и бесплодное существованіе? Въ 1820 году, когда сынъ Карла X, герцогъ Беррійскій, былъ убитъ Лувелемъ, монархисты стараго закала оплакивали неминуемое прекращеніе династіи; но трауръ смѣнился восторгомъ, когда вдова герцога, черезъ полгода послѣ катастрофы, родила столь нужнаго всѣмъ наслѣдника. И этотъ наслѣдникъ, встрѣченный торжественно и шумно при появленіи своемъ на свѣтъ, умираетъ въ тихомъ австрійскомъ уголкѣ,